

Ирина Шамина

«Мы изучаем не деревни, мы изучаем в деревнях»: новое в исследовании исторической демографии России XVI – начала XVIII в.*

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«We are not studying villages, we are studying in villages»: new in the research of the historical demography of Russia in the 16th – early 18th century

DOI: 10.31857/S2949124X23060160, EDN: NNWGDК

В заглавие данного обзора вынесено известное высказывание американского антрополога и социолога К. Гирца, максимально точно характеризующее содержание новой книги доктора исторических наук профессора Вологодского государственного университета М.С. Черкасовой. Монография написана в рамках методологических подходов, разработанных «социально-культурной антропологией», занимающейся изучением поведения человека и результатов его деятельности. В рассматриваемой работе, в отличие от большинства других исследований по исторической демографии, на первый план выходят не обезличенные статистические данные, а человек, рассматриваемый через призму повседневной жизни. В поле зрения Черкасовой находятся семейно-брачные отношения, личностное начало представителей разных слоёв общества, возрастные, поколенческие и профессиональные характеристики людей. Автор рассматривает гендерные, антропонимические, медико-социальные, эпидемиологические, историко-правовые и социокультурные аспекты демографической истории. Российская наука уже име-

ет блестящие результаты использования подобного подхода, в частности, в виде монографии О.Е. Кошелевой¹.

В основе монографии Черкасовой лежит написанный ею раздел подготовленного Институтом российской истории РАН издания «Очерки демографической истории России XI–XXI вв.»², обновлённый и существенно расширенный. Источниками для исследования послужили писцовые описания XV – начала XVI в., писцовые и дозорные книги 1590–1620-х гг., переписные книги XVII – начала XVIII в., документация Патриаршего дома и архиерейских кафедр, а также актовый материал – челобитные, вечные и отпускные памяти, духовные завещания, судебные дела и проч. Исследовательница обращает внимание читателей на то, что в каждом источнике её интересуют «не столько общестатистические его измерения, а вычленение в нём того, что эскизно очерчивает конкретного человека на разных этапах его жизни» (с. 11), не общие количественные показатели, а «преломление демографической истории применительно к отдельно взятому человеку и микрогруппам» (с. 310). Географические границы ис-

* Черкасова М.С. Человек в зеркале исторической демографии, XVI – начало XVIII в. Вологда: Древности Севера, 2023. 383 с., ил.

следования широки. Они включают в себя центр Российского государства, Северо-Запад и Поморье, Поволжье, Сибирь. Основное внимание уделено Русскому Северу (Белоозеро, Вологда, Тотма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Архангельск), поскольку материалы по нему сохранились лучше, чем по другим регионам, а также полнее введены в научный оборот.

Книга состоит из девяти взаимосвязанных разделов-очерков. Первый раздел — «Человек в браке и вне его» — включает в себя главы, посвящённые гражданскому и церковному регулированию институтов брака и семьи; продолжительности браков; терминам родства; повторным бракам и разводам; понятиям блуда, незаконной рождаемости и сожителства. Основными источниками, позволяющими раскрыть данные вопросы, является церковная документация о взимании венечных пошлин в архиерейскую казну. Сведения о брачности имеются также в венечных разделах приходо-расходных книг XVII в. Массовыми же документами для изучения брачности в XVII в., по мнению Черкасовой, являются многочисленные венечные памяти, наказные памяти архиереев священникам и десятильникам о размерах венечных пошлин и сказки священников о количестве заключённых в их приходах браков.

Стоглав 1551 г. допускал троекратное вступление в брак. Черкасова привела данные о соотношении первого и последующих браков в пределах Вологодско-Белозерской епархии. В 1660–1680-х гг. первые браки в регионе преобладали, вторые составляли около трети, а третьи — лишь 2–4% от их общего числа (с. 23). Причины повторных браков исследовательница видит в ранней смертности людей, прежде всего мужчин. Однако не исключено, что какая-то их часть заключалась и после развода супругов. По

мнению автора, иногда о повторном браке свидетельствуют описания крестьянских дворов в переписных книгах, когда, к примеру, старший сын главы семьи был едва ли не ровесником его супруги. Косвенным указанием на повторные браки являются и упоминания во дворах «вотчимов». В монографии приведены интересные объяснения крестьянами необходимости вступить во второй или третий брак: «А я — человекенко одинакое, пахатной, без жены жить не мошно, печи и варити некому», «робятишки малы, и не женяся мне, сироте, жить невозможно» (с. 52–53). Священники стремились вступить в повторный брак, помимо многодетности, объясняли задачей сохранения места в приходе. В книге уделено внимание и разводам, в источниках обозначаемым также термином «ропуск». Отдельно рассмотрены браки служилых людей.

Черкасова разбирает происхождение и значение ряда терминов, связанных с семейно-брачными отношениями. Она предлагает интересное возможное происхождение слова «семья» из закладной записи на землю 1632 г., составленной женой помещного казака на имя архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия: «в семье сам семь», мать-вдова «сама сема» (с. 37). Разбираются также термины «вдова» и «женишко», «жена-приимок», «сожительницы», «посестрии», «приимыш» и др. Черкасова отмечает, что в челобитных грамотах часто встречается употребление в отношении тех или иных людей уменьшительной лексики («женишко», «дочеришко», «сынишко»). Это «было не просто этикетной формой обращения социальных низов... оно делало более выразительным проявление живых человеческих чувств» (с. 40). Слова «вдова» и «женишко», по её мнению, часто являлись синонимами. Однако ранее Е.Н. Швейковская на осно-

вании грамоты из Великого Устюга 1626 г. отметила, что равнозначным и тождественным термину «женишко» являлось слово «семьишко»³. Очевидно, что «вдова» и «семьишко» — не синонимы. Из этого можно сделать вывод, что одни и те же слова могли иметь разное значение.

Кроме законных и освящённых Церковью, имели место и внецерковные формы брака. Незамужние женщины с внебрачными детьми назывались «женками-самокрутками» (тем же термином могли обозначаться и женщины, чьи родители не имели средств для полноценной свадьбы). Блуд, по мнению Черкасовой, в Русском государстве XVI — начала XVIII в. являлся одним из основных грехов, и во время исповеди женщинам следовало отвечать на вопрос о блуде в первую очередь.

Второй раздел монографии носит название «Болезни, увечность, смерть». По словам автора, «внимание к такого рода информации открывает перспективы изучения медико-социальных факторов исторической демографии» (с. 84). В книге приводятся примеры несчастных случаев и фактов скоропостижной смерти людей из Белозерской уставной грамоты 1488 г. и жалованных уставных грамот XVI в.: «кого в лесе деревом заразит, с дерева убьется, зверь съест, в воде утонет», «кого громом убьёт... озябнет, згорит... лошадь убьёт... куsom подавится, обесится, опився пьян умрет» и проч. (с. 85). В таблице на с. 103–104 автор систематизировала данные источников о таких смертях. Ведущие места занимают скоропостижная смерть от болезни (40,4% случаев) и от утопления (16,4%). Мужская смертность преобладала над женской. Это, по мнению Черкасовой, приводило к широкому распространению женского вдовства и служило предпосылкой для повторных браков.

Для захоронения умершего человека в архиерейских и патриарших казённых приказах следовало получить похоронную память — своего рода разрешение на погребение человека «у церкви Божии». При этом выяснялись причины смерти, исключался их насильственный характер.

Черкасова приводит примеры, указывающие на увечность того или иного человека. Особенно много информации о слепых («увечна, темна», «очми не видит») и слабовидящих («правым оком крив», «туск в глазах»). Об иконописце Вологодского архиерейского дома Константине Грешном сказано: «Он очми стал туп и подносные иконы более писать не видит» (с. 93). Между тем для конца XVI–XVII в. обычна практика использования для исправления зрения очков. Очками обеспечивал своих насельников Кирилло-Белозерский монастырь и другие обители Русского Севера. Есть данные об использовании очков вологодским архиепископом Симоном⁴. Встаёт вопрос о том, почему не приобрели очки для К. Грешного? В материалах, представленных Черкасовой, данные об очках отсутствуют.

Среди частых увечий исследовательница называет поражение верхних или нижних конечностей. Иногда в источниках отмечаются и их причины: «руки омерзли, отпали обе», «увечен, с колокольни розшибся», «у левой руки палец пищалью оторвало» (с. 98). В ландратских же книгах 1710-х гг. объединяются характеристики увечности, неплатёжеспособности и дряхлости: «Нищей, стар, дряхл и бездетен», «никаких платежей за старостию и скорбию параличною не платит» (с. 99). В разделе затрагиваются и вопросы о народном врачевании. Об этом свидетельствуют упоминания в источниках профессий «кровопуск» и «рудомет» и соответствующих прозвищ. Иногда пытались вылечить сво-

их близких и священники. Черкасова привела пример, как в 1702 г. священника церкви Свт. Николая Чудотворца в волости Сяма Вологодского уезда обвинили духовным судом в попытке облегчить приступы эпилепсии у дочери. Он привязывал ей на шею «волшебные письма» (средство не помогло, и дочь умерла) (с. 94). Нельзя не согласиться с Черкасовой в том, что пристальное внимание к информации о болезнях, увечности, причинах смерти «знакомит нас с некоторыми важными аспектами повседневной жизни человека, открывает перспективы для антропологически ориентированного изучения проблем исторической демографии и частной жизни в ракурсе локальной истории раннего Нового времени» (с. 100).

Представляет интерес небольшой по объёму третий раздел монографии — «Эпидемия чумы в России в 1654–1655 гг.: демографический учёт на фоне кризиса». Тема эпидемий в Русском государстве в XVI–XVIII вв. уже неоднократно привлекала внимание исследователей⁵. Черкасова основное место отвела демографическому учёту населения во время мора в Москве и на Русском Севере. Она пришла к выводу, что повышенная смертность людей во время эпидемии послужила началу «более индивидуального демографического учёта», поскольку привычный подворный принцип оказался недостаточным. Учитывались не только представители податных сословий, но и «всякие жилецкие люди», а также женщины и младенцы обоих полов и др. По её словам, «новой чертой демографической статистики стал учёт смертности гражданскими властями по церковным приходам. Более внимательно описывались медико-социальные условия протекания “моровой язвы”» (с. 115).

В четвёртом разделе — «Демография и ономастика» — Черкасова обра-

тилась к фигурирующим в источниках крестьянским именам, что, по её мнению, позволило «вычленить не только сугубо статистические, но и антропологические, социокультурные аспекты в массовом писцово-переписном материале» (с. 116). Безусловный интерес представляет приведённый ею перечень крестьянских (преимущественно мужских) некалендарных имён и прозвищ (с. 117–120), становившихся основой для образования фамилий. Обращаясь к писцовым и переписным книгам, автор отметила и множество содержащихся в них катойконимов (обозначений людей по территориальному признаку), могущих послужить материалом для изучения вопросов миграции населения. От них образовывались и фамилии: Белозёров, Пешехонов, Колмогоров. Иногда, как отмечает Черкасова, оказывались тесно соединены происхождение человека из другого города, части посада и его ремесленная специальность. Исследовательница оценила значение прозвищ и с точки зрения последовательности рождения детей, отметив среди них такие, как Первушка (Первуня, Первой), Фторушка (Второй), Поскрёбыш и т.д. Интересны её наблюдения о бытовании антропонима Дурак/Дураков и топонима Дураково. Нельзя не упомянуть и приведённые автором прозвища новгородского крестьянина конца XV в. — «Карпик Песья Старость» (с. 135–136) или «Сторублеви́ковая жена с дочерью Козлом» из духовной вологодского гостя Г.М. Фетиева (с. 153). Отдельное внимание М.С. Черкасова уделила женской монашеской антропони́мией. Она вслед за многими другими исследователями⁶ отметила, что монашеские имена давались на ту же букву, что и светское имя (это характерно и для мужских монашеских имён) (с. 155). Из данного правила, однако, имелись исключения. Например, в коломенском Бру-

сенском монастыре в начале XVIII в. жили схимонахини Ефросиния, «что в мире была Ульяния», и Таисия, «что в мире была Екотерина»⁷.

Отмечая усиление пенитенциарного значения Горицкого Воскресенского монастыря в начале XVIII в., исследовательница обратила внимание, что сосланные сюда монахини носили обычные имена с фамилиями. По моему мнению, такое написание постриженников не являлось чем-то исключительным. В переписной книге московского Ивановского монастыря большинство насельниц, включая игумению Марфу Григорову, написаны именно таким образом⁸. Значительна доля монахинь, зафиксированных с обычными именем и фамилией, и в перечне насельниц в переписной книге кашинского Сретенского монастыря 1701 г.; с фамилиями или катойконимами приведены монахи устюжского Михаило-Архангельского монастыря⁹ и др. Предположу, что отсутствие/наличие фамилий в списках насельников из монастырских описей могло быть связано как с культурными традициями, так и с наличием у людей фамилий в мирской жизни.

Среди жителей городов и деревень источники фиксируют скоморохов. Об этой категории населения идёт речь в пятом разделе. Черкасова приводит примеры топонимов, могущих указывать на то, что здесь жили представители этой социальной группы — Скоморошья Гора под Псковом, Скоморошья мовница (баня) в Устюге. Со скоморохами автор связывает, например, и деревню Дудино в Нижегородском уезде, близ которой в XV в. возник Амвросиев Дудин монастырь, и другие подобные топонимы — Смыково, Дудолодавское, Свириелиха. В монографии перечислены различные наименования скоморохов: балалаешник, бубен, игрец, домрачей, накрачей, медведник, трубник и многие другие.

Отдельное внимание Черкасова уделила роли скоморохов в придворной жизни, подчеркнув терпимость царей к данному развлечению и востребованность его для придворных празднеств и пиров. Однако в 1648 г. по указу царя Алексея Михайловича скоморохов изгнали с царского двора. В переписных книгах городов начала XVIII в. упоминаний о них уже существенно меньше. Исследовательница развивает выдвинутую А.А. Плетнёвой идею о том, что скоморошество как феномен древнерусского смеха и смеховой культуры исчезло не в середине XVII в., а накануне петровских реформ¹⁰. Она утверждает, что «скоморошество... было снесено культурными преобразованиями Петра I» (с. 204–205). С последним утверждением, однако, нельзя согласиться. В начале XVIII в. скоморошество, освободившись от давления церковных запретов, вновь стало заметным явлением¹¹. В 1733 г. В.Н. Татишев, отвечая на вопрос, «какие науки щегольские разумеются?», вторым после поэзии пунктом указал: «музыка, русски скоморошество», назвав его явлением, относящимся к «увеселяющим наукам». Вновь стали появляться жалобы на увлечение скоморохами людей разных социальных групп, в том числе священников¹². Развлечения «весёлых» послепетровского времени, как и прежде, могли выглядеть сомнительно: «А скоморохи Никифор Васильев, Емельян Слепой в трубки перед ним играли, и тайные уди свои оказывали, и в горнице у него друг на друга сцали»¹³. Из приведённого отрывка становится понятно, почему скоморохов и их поведение осуждала Русская Церковь.

Рассматривая историю скоморошества, Черкасова использует топонимический и антропонимический материал. Такой подход широко применяется в научных исследованиях

по данной теме. Тем не менее недостатки этой методики подметила сама исследовательница, сделав оговорку, что некоторые термины, традиционно связываемые со скоморохами, не обязательно могли относиться именно к ним. Например, в писцовой книге Тверского уезда 1580 г. «медведником» назван дворцовый слуга, а «трубниками» именовали мастеров по сооружению деревянного водопровода (с. 187). В духовной кн. И.Ю. Патрикеева 1499 г. «трубники» — это военные слуги и лица, сопровождавшие князя во время охоты (с. 188). Замеченные Черкасовой недостатки данного метода более глубоки. Часть музыкантов, обычно относимых к скоморохам, ими не являлись. В XVI–XVII вв. при дворе существовал «трубничий чин», музыканты которого играли на торжественных церемониях. В него входили набатчики, литаврщики, накрачеи, трубники. Некоторые из них владели сёлами и деревнями¹⁴. Соответственно, данные по названию музыкального инструмента прозвища необязательно указывают на профессию человека, и топонимический и антропонимический материал при рассмотрении этой темы стоит применять осторожнее.

Название шестого раздела монографии — «Человек и его возраст: от рождения до смерти». Здесь затронута актуальная проблема современной исторической демографии — трансформация детства и его влияние на дальнейшую судьбу человека, семьи, межпоколенные связи¹⁵. Анализируя сведения источников, Черкасова подтвердила то, что «детьми» в изучаемый ею период считались обитатели дворов до 15 лет (с. 209). 15-летие понималось как время вступления мужчины в брак, наступления имущественной и налоговой ответственности. В переписных книгах 1678 г. появились более дробные по сравнению с предыдущими описаниями возрастные

разряды: «полутора году», «полутретья году», а в XVIII в. возраст детей стал фиксироваться ещё более тщательно. Автор поднимает и вопрос младенческой смертности. Широкий пласт сведений об этом дают синодики. В таблице 12 на с. 224–225 приведены интересные подсчёты о доле младенцев в общей смертности рода, сделанные Черкасовой на основе опубликованных синодиков переславского Успенского Горицкого, московского Чудова, Николо-Коряжемского, Коневского Рождественского монастырей и ряда церквей, а также кормовой книги Троице-Сергиева монастыря: доля умерших младенцев в роду могла достигать 40–50%. Ещё одним «документальным резервом» для изучения младенческой смертности исследовательница назвала списки погребённых в различных монастырях (с. 227).

Интересны наблюдения Черкасовой об одновременном существовании в семье двоих и даже троих детей с одинаковыми именами. Составители переписных книг таких детей обычно фиксировали с определениями «большой», «средний» и «меньшой». Однако вывод автора о том, что «всегда дети с одним и тем же именем идут друг за другом, с интервалом рождения 1,5–2 года», нуждается в коррекции. В переписных книгах 1701–1703 гг. случаи, когда дети-тёзки не следуют друг за другом, не редкость. В селе Парфеньеве коломенского Голутвина монастыря жили «Петрушка Афонасьев, а у него детей: Серешка большой женат, да Микушка пятнатцати лет, да Серешка меншой семи лет, да Ивашка трех лет». Подобные случаи зафиксированы и в сельце Четрыкове той же вотчины¹⁶. Интервал рождения детей с одинаковыми именами, даже если они следуют друг за другом, очень часто превышает обозначенный автором порог в 1,5–2 года. Например, в деревне Дехтяри галичского Паисиева

Успенского монастыря жили «Иван большей двадцати годов и Иван меньшей десяти годов»¹⁷. Список подобных примеров можно продолжать. По моему мнению, свою роль в появлении в одной семье детей-тёзок играло не «имянаречение родителями новорождённых в память о недавно умерших их братьях и сёстрах» (с. 234), а случайное совпадение имён в святцах.

Интересны наблюдения Черкасовой и о другой категории населения — престарелых, стариках и старухах, информация о которых в источниках менее детальна. Понятия старости, престарелости для того времени растяжимы. В переписной книге Яренского уезда 1710 г. «пожилыми» названы люди от 60 до 95 лет, в ландратской же книге села Лыскова Нижегородского уезда 1716/17 г. 55-летняя женщина названа «старухой», а 45-летняя — престарелой (с. 238).

В седьмом разделе Черкасова затронула мало разработанную в историографии тему демографической истории русского монашества. Этот пробел объясняется состоянием источниковой базы, но вводимые в научный оборот переписные книги монастырей, содержащие списки монашествующих, позволяют осветить этот вопрос. В Вологодско-Белозерской епархии с 1670-х гг. известны «записные монашеские книги» («постригальные монашеские книги») и памяти, выдаваемые вновь постриженным инокам. Такая документация предшествовала «ведомостям о числе монашествующих», составлявшимся в епархии с 1704 г. Исследовательница подчеркнула, что «систематическая информация об именах и прозвищах монашества служит ценным источником не только для историков, но и лингвистов по антропонимике, способствует социокультурному, антропологическому рассмотрению иноческих сообществ» (с. 249—250).

Черкасова остановилась на проблеме общей численности монастырских насельников, в первую очередь монахов, показав «широкий разброс показателей численности разных монастырей» в разных городах, уездах и епархиях. Она заметила, что количество братии в монастырях, по которым не обнаружены списки монашествующих, можно установить по ряду косвенных признаков — количеству указанных в описях клобуков, сапог, трапезных приборов, келий. На мой взгляд, привлечение такого рода сведений может дать лишь очень приблизительные результаты. Монашеская одежда и другие предметы обихода, попавшие на страницы переписных книг, хранились в кладовых, будучи закуплены про запас. Те, что использовались на момент описания, находились в монашеских кельях, и их, как правило, не описывали, за исключением наиболее ценных предметов, как, например, это имело место в переписной книге устюжского Михаило-Архангельского монастыря 1702 г.: «Да что в кельях бывают у денежного казначея, и у платного, и у поряженного три рукомоиника да три лохани медные... в том числе рукомоиники да лахань меди зеленой, а две лохани красной меди»¹⁸. Следовательно, перечисленные в описаниях предметы реальную численность братии не отражают. Вопрос с количеством келий тоже неоднозначен. Даже если предположить, что в общежительных монастырях в каждой келье жило примерно одинаковое число иноков, часть помещений на момент переписи по разным причинам могли стоять пустыми, а составители переписных книг не всегда это отмечали.

Сопоставив описи за разные годы XVII в., Черкасова пришла к выводу, что «какой-то однонаправленной динамики» к уменьшению или увеличению численности монашествующих

не наблюдается. В качестве одного из многочисленных статистических примеров она привела данные о численности братии в Кирилло-Белозерском монастыре за 1620/21 и 1668 гг. — соответственно 186 и 224 человека (с. 248). Сведения о данном монастыре можно дополнить. В письме архиепископа Коломенского и Каширского Никиты (Тотемского), написанном в 1694 г. архимандриту Кириллова монастыря, фигурирует цифра 170 монашествующих¹⁹, что подчёркивает выявленный Черкасовой разнонаправленный характер колебаний.

Интересно наблюдение о том, что на Севере широко практиковалось поступление в монастыри обоих больных и престарелых супругов. Обители при этом играли роль учреждений социального обеспечения. Случаи, когда в монастырь постригались члены одной семьи, неоднократно имели место и в других регионах. В тульском Успенском девичьем монастыре приняли постриг сёстры Агриппина и Феодосия Ивановы Бохины, Агриппина и Ксения Аверкиевы Смоляковы. Здесь же стали монахинями жена и дочь солдата Клемена Жданова — Гликерия Юрьева Маликова и девица Анна Клеменова²⁰.

В рецензируемой книге затронут и вопрос о миграциях монашествующих. Во внимание принимаются «фамилии» постриженников, отражающие их предыдущее место жительства — Паисея Онтоновский, Гурей Сторожевский, Ефрем Ярославский (с. 253). С этим вопросом тесно связан и вопрос о социальной основе монастырей Русского Севера, большинство насельников которых составляли бывшие крестьяне. Нельзя не согласиться с автором, что сбор сведений по демографии монашества необходимо продолжать. Но уже на настоящем этапе исследования можно сделать некоторые выводы о различиях

в социальном составе постриженников в разных регионах государства. Так, большую часть насельников монастырей Коломенской епархии, в отличие от Севера, составляли бывшие священнослужители и представители служилого сословия²¹. Помимо монахов в монографии рассмотрены и другие категории монастырского населения — слуги, служебники, детёныши и прочие работники. Затронут и вопрос о пенитенциарной функции русских обителей.

Восьмой раздел имеет название «Человек: его честь и бесчестье». Здесь Черкасова попыталась совместить демографическую и социально-правовую информацию источников. Безусловно, категория «честь» «многоплановая по содержанию и претерпевшая длительную эволюцию, играла исключительно важную роль в средневековой Руси и России раннего Нового времени» (с. 272). Под честью автор понимает достоинство, почёт человека, его доброе имя, уважение и самоуважение, славу, преимущества. Отдельно разбирается Севернорусский судебник 1589 г., учитывающий имущественную дифференциацию локального сообщества. Здесь шире представлено крестьянство, уделяется внимание обедневшим слоям жителей Севера.

Последний, девятый раздел монографии посвящён покаянной практике. Учёт исповеданий в России начал вводиться лишь в 1716–1718 гг.²² Данная тема, по мнению исследовательницы, имеет и социокультурный аспект: по мере усиления зависимости Церкви от государства в Московской Руси и императорской России исповедные формулы-вопросники всё сильнее отражали представления о приоритете государственных интересов над всеми остальными. Требования крестьянам обязательно являться на исповедь в начале XVIII в. стали включаться

в инструкции вотчинным приказчикам. Добросовестное осуществление священниками покаянной практики регулировалось штрафными мерами, устанавливаемыми архиереем. Черкасова ставит также вопрос о соотношении исповеди и уголовного права.

Самостоятельную научную ценность имеют Приложения. В них представлены фотографии документов — вечной памяти, «доезда и скаски», крестьянской челобитной, а также миниатюры и гравюры, иллюстрирующие основные разделы монографии. Опубликованы 27 документов — вечные памяти, челобитные, судебные дела, поручные записи и др., обнаруженные исследовательницей в вологодских и великоустужских архивохранилищах.

В целом интереснейшая монография М.С. Черкасовой оставляет самое благоприятное впечатление. Цель — показать человека и микрогруппы в демографической истории — ею, несомненно, достигнута. Книга увлекательна. Она погружает читателя в повседневную жизнь XVI — начала XVIII в., позволяет увидеть людей — взрослых и детей, крестьян и горожан, представителей служилого сословия и монахов, услышать их речь, осознать актуальные для них проблемы; представляет галерею судеб людей с их заботами и взаимоотношениями. Несмотря на некоторую сбивчивость в изложении, монография заслуживает самой высокой оценки.

Примечания

¹ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова в Петровское время. М., 2004.

² Черкасова М.С. Население Русского Севера // Очерки демографической истории России XI—XXI вв. Т. 2. XVI—XVII вв. / Отв. ред. В.Б. Жиромская. М.; СПб., 2022. С. 212—280.

³ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — XVIII века. М., 2012. С. 47.

⁴ Белова А.Б., Шамин С.М. Очки в Московском государстве XVI—XVII столетий // Московская Русь: археология, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М., 2023. С. 438—459; Башнин Н.В. Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 27.

⁵ См. новейшие публикации на эту тему: Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 210—216; Селин А.А. Московские карантинны. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI—XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020; Исхаков Э.Р. Ликвидация вспышки моровой язвы (чумы) в Москве в XVIII веке: историко-правовые аспекты // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 2(64). С. 65—74; Герасимова И.В. Карантин в Великом княжестве Литовском: воеводство князя Василия Борисовича Шереметьева во время эпидемии чумы 1657 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2(112).

⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (биографические разыскания). СПб., 2022. С. 104.

⁷ Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 220, 221.

⁸ История Московского Ивановского девичьего монастыря в документах XVII — начала XIX века / Сост. Д.Г. Давиденко. М., 2015. С. 344—347.

⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 188—188 об.; д. 44, л. 30—31 об.

¹⁰ Плетнёва А.А. Скоморохи и скоморошество. К истории слов и понятий // Эволюция понятий в свете истории русского языка. М., 2012. С. 104.

¹¹ Шамин С.М. Скоморошество // История России. Т. 5. Кн. 2 (в печати).

¹² Стенник Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Сборник 15. Л., 1986. С. 40—41; Шамин С.М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 114.

¹³ Алатов С.В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф.М. Достоевского // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 278.

¹⁴ Шамин С.М. Накры как один из атрибутов государевой власти: от Ивана IV до Петра I (к вопросу о царском трубничем чине) // Каптеревские чтения. 2015. № 13. С. 322—337.

¹⁵ *Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинин А.С.* «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3(154). С. 29–53.

¹⁶ *Шамина И.Н.* Переписные книги... С. 168, 177.

¹⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 142.

¹⁸ Там же, д. 44, л. 29.

¹⁹ Там же, ф. 196, оп. 2, д. 121, сст. 1–2.

²⁰ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 58, л. 594 об., 597 об.–598, 599, 599 об.

²¹ *Шамина И.Н.* Социальный портрет монашествующих Коломенской епархии в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 423.

²² *Пшеницын Д.А., Черкасова М.С.* О раннем этапе исповедного учёта в России (конец XVII – первая треть XVIII в.) // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4(67/68). С. 150–184.